

УДК 811.161(477.87)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/14

ОБРАЗ РОДИНЫ-МАТЕРИ В ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

С.В. Зеленко

Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Авторское резюме

В статье рассматриваются особенности художественного воплощения в гражданской поэзии русинского будителя Александра Ивановича Павловича архетипического образа Родины-Матери – малой родины поэта (Маковицы), общеславянской Родины – Славии, исконной Родины (Руси). Олицетворение Родины как Матери в лирике А. Павловича характеризуется разнообразными апелляциями к историко-культурному наследию русинского народа, помогает автору раскрыть для читательской аудитории сущность проблемных вопросов (языковой политики, национального самосознания, эмиграции, исторической памяти), с которыми его соотечественники неоднократно сталкивались в действительности. В статье доказывается, что использование А. Павловичем олицетворения Родины в образе Матери как одного из самых значимых для каждого человека субъектов позволяет русинскому будителю воздействовать на читательское восприятие поднимаемых в гражданских стихотворениях проблем не только на эмоциональном, но и на рациональном уровне, что в значительной степени усиливает эффект влияния художественной литературы на аудиторию. В заключении делается вывод о том, что олицетворение Родины-Матери в гражданской лирике А. Павловича следует рассматривать как условие генезиса национальной русинской литературы, как факт ее включения не только в славянский, но и мировой литературный процесс (в т. ч. и русскоязычный), а также как эффективный способ сохранения и трансляции историко-культурного наследия русинов.

Ключевые слова: образ Родины, гражданская лирика, русинская поэзия, русины, будитель, национальное возрождение, Александр Павлович.

THE IMAGE OF MOTHERLAND IN THE CIVIL LYRICS BY ALEKSANDR PAVLOVICH

S.V. Zelenko

Belarusian State University

4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030 Belarus

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Abstract

The article discusses the archetypal image of the Motherland in the civil poetry by the Rusin enlightener Aleksandr Ivanovich Pavlovich, epitomized as the poet's small homeland (Makovitsa), the common Slavic Homeland – Slavia, and the original Homeland (Russia). The personification of the Motherland as Mother in A. Pavlovich's appeals to the historical and cultural heritage of the Rusin people and helps to reveal the problems (language policy, national identity, emigration, historical memory) that A. Pavlovich's compatriots repeatedly encountered in reality. The author argues that Motherland epitomised as Mother allows the Rusin educator to influence the reader's perception of the issues raised in his poetry on both emotional and rational levels, which enhances the effect of poetry on the audience. The author concludes that the personification of the Motherland in A. Pavlovich's civil lyrics should be considered as a condition for the genesis of national Rusin literature, as a fact of its inclusion not only in the Slavic, but also in the world literary process, and as an effective way to preserve and broadcast the historical and cultural heritage of Rusins.

Keywords: image of Motherland, civic lyrics, Rusinian poetry, Rusins, buditel, enlightener, national revival, Aleksandr Pavlovich.

Творческое наследие русинского будителя, публициста, поэта и общественного деятеля Александра Ивановича Павловича (1819–1900), славный 200-летний юбилей которого отмечался 19 сентября 2019 г., представлено многочисленными лирическими произведениями, вошедшими в сборник поэта «Венець стихотворений» [12: 12–249], житейско-бытового («Весенняя жура», «Една бѣдна мати», «Свидницки школяры», «Свадьба ей»), любовно-романтического («Милого жадаючая дѣвушка», «Барвѣнокъ», «Думки русскихъ красавиць»), нравственно-поучительного («Учя мое дитя», «Умѣніе, разумность», «Блудъ, нечистота», «Лѣнь», «Родителямъ нерадивымъ о дѣтяхъ», «Пянство»), историко-культурного («Думки», «Добра русиновъ», «Стародавняя

пѣснь Маковици», «Начало исторіи Угорщины», «Давно а днесь»), автобиографического («Тужба», «Вотъ я состарѣлся», «Въ чужинѣ») и религиозного («Непоколебимость церкви», «Воздыханіе», «Милуй Бога твоего, зо сердца цѣлого») содержания. Однако среди тематического разнообразия стихотворений А. Павловича обращает на себя внимание именно гражданская лирика поэта, пронизанная искренней любовью к родному краю, призывающая к истинному патриотизму, наполненная размышлениями об историческом прошлом русинов и переживаниями о будущем Отечества.

Так, анализируя творчество А. Павловича, Е. Недельский в монографии «Очеркъ карпаторусской літературы» подчеркивает: «Павлович начал свою литературную деятельность совершенно самостоятельно, проникнутый любовью к своему народу и краю» [11: 169]. При этом, как демонстрируют результаты идейно-художественного анализа лирических произведений русинского будителя, одним из ярчайших ключевых образов в гражданской поэзии А. Павловича является образ Родины, который олицетворяется автором в сакральной фигуре Матери – прародительницы и защитницы обездоленных ее детей-русинов, хранительницы общего для них Дома-Отчизны, слова и деяния которой должны сплотить ее сыновей и дочерей вокруг общей идеи народного единства и национального возрождения.

Стихотворение «Прощаніе», написанное А. Павловичем в 1900 г. во время продолжительной болезни, практически перед самой смертью, можно назвать духовным завещанием автора, что в значительной степени гарантирует отсутствие в анализируемом тексте излишней пафосной торжественности и неуместной патетической возвышенности, зачастую присущих гражданской лирике. Академик Ю.М. Лотман подчеркивал, что «чем поэт глубже погружается в субъект, в мир внутренних переживаний, тем безусловней, однозначнее его поэтический мир. Законами творчества становятся простота и правда. Сердечные переживания и добродетели вечны, понятны для всех и не допускают множественности точек зрения» [8: 294]. В анализируемом произведении русинский будитель перед кончиной обращается с последним «простым и правдивым» словом к своей малой родине – Маковице, называя себя ее благодарным сыном. Исследователи творчества А. Павловича отмечали: «Это не случайность, что Павловича называют “маковицким соловьем”, родной округ он не только любил, но и жил его особым бытовым укладом и воспевал его в своих стихах» [11: 170].

Олицетворенный образ Родины в стихотворении «Прощаніе» [12: 17] актуализируется набором описательных характеристик, присущих фигуре Матери не как биологическому, а как социальному субъекту

– женщине, не только зачавшей, выносившей и родившей ребенка, но и воспитавшей, взрастившей, давшей образование: «Мнѣ насущный хлѣбъ давала, // Кормила и приодѣла, // Сына учтила, любила». Русинский будитель – любящий сын Маковицы – в последнем своем прощальном письме благодарит Родину-Мать, просит помолиться о спасении его души, как просил бы ребенок свою родительницу: «Прійми благодареніе! // Желай души спасеніе!». Олицетворение образа Родины как Матери в контексте анализируемого поэтического произведения подтверждается и перечислением ряда других актов-действий, исполнение которых возможно только по отношению к субъекту (физическому лицу – Матери), а не объекту повествования (территориальной единицей – Маковице): «Не увижу твои лица, // Перестану тя обіймати, // Тебѣ пѣсенки спѣвати».

Таким образом, в данном случае олицетворение в дихотомии Родина – Мать осуществляется на основе классического переноса качеств субъекта (Матери) на объект (Родину), отражает «процесс наделения всего сущего – Вселенной, природы, животных и растений, неодушевленных предметов и т. д. – свойствами и чертами, присущими человеку и характеризующими его деятельность» [4: 123], что демонстрирует личностное отношение А. Павловича к своей Родине. Как отмечает И. Сандомирская, «неотъемлемой частью дискурса о малой родине является тема детства, дискурс о начале сознательной жизни и о первом опыте любви, прежде всего – любви между матерью и сыном» [17: 59], что в полной мере представлено в гражданской поэзии русинского будителя. При этом Родина для А. Павловича – это не только место, где он был рожден, не территориальная единица определенного государства. Прежде всего, Родина в его стихотворениях предстает перед глазами читателей как архетипический образ Великой Матери, который, по мнению О.А. Бойко, наделяется «такими качествами, как забота, сочувствие, магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, доброта, поддержка, плодородие, рождение, превращение, воскрешение» [5: 20].

Малая родина русинского будителя, Маковица, олицетворяется А. Павловичем в образе Матери и в других стихотворениях поэта: «Маковица» – «Я сынъ Маковицы, ей народъ милую, // О ей минулости писати спробую» [12: 63–65], «Думка надъ Маковицогоградомъ» – «Слушайте славики! Слушайте горлицы! // Вѣрный русинъ спѣвать матки Маковицы» [12: 65–66], «Бѣдство Маковицы» – «Бѣдна, бѣдна Маковица, // Зо сѣротами вдовица, // Несчастлива вдова мати, // Трудно дѣточки ховати» [12: 100–101]. При этом можно предполагать, что прецедентность самой личности А. Павловича для русинов как будителя национального самосознания, значимой исторической,

религиозной и общественной фигуры будет являться неоспоримым фактором, опосредующим и формирующим у них при чтении этих произведений подобное же отношение к Родине, восприятие ее как одного из самых значимых субъектов в жизни каждого человека – матери (родительницы, кормилицы, заступницы, учительницы), которую необходимо свято чтить, любить, оберегать, заботиться о ней, что становится общегражданским неукоснительным долгом, неременной обязанностью, национально-идеологическим императивом.

Модель построения семейно-родственных отношений в дихотомии «мать – ребенок (дети)» (Родина – русины) наблюдаем и в других поэтических произведениях автора. Так, в стихотворении «Пѣснь подкарпатского русина» [12: 43–44] А. Павлович снова актуализирует не биологические, а социальные функции Матери при олицетворении образа Родины: «О Русь Подкарпатска земля для всѣхъ братска! // Ты меня выкормила, // Меня воспитала, // Сердцу вѣрудала, // Здравствуй, мати моя мила!». Также автор демонстрирует читателям эталонное отношение благодарного сына (ребенка) к матери, что должно восприниматься как сентенциозный призыв к подобному же действию русинов по отношению к Родине: «И помолюсь Богу // За милость премного // И за тебя, руска моя мати!».

В стихотворении «Пѣснь карпаторусская» он опять же акцентирует внимание на физическом выражении чувств и эмоций Родины-Матери по отношению к ее чадам-русином (объятия, поцелуи, поздравления): «Святым звукомъ русска земля // Свои чадца поздравляеть // Святымъ чувством свое племя // Обимая лобызаетъ» [12: 38–39]. Отметим, что в рассматриваемых примерах олицетворение образа Родины-Матери настолько стилистически и эстетически органично включено в авторское произведение, оправданно коммуникационной целью воздействия на аудиторию, что у потенциальных читателей не должно возникать смыслового отторжения и непонимания данного средства выразительности художественной речи.

В отличие от ранее рассмотренных примеров, в стихотворении «Думки» А. Павлович напрямую называет Родину Матерью («Радуйся же отчизна мати! // Цѣлуй и привитай сыновъ!»), а себя и своих соплеменников-русинов – ее детьми («Радуйся подбескидска земле <...> Счастливы ужь твои чада»; «Свята Подкарпатска земля <...> Любить тебе наше племя // Любить сердцем вѣрныхъ сыновъ»; «Я сынъ Бескидовъ») [12: 30–32].

В данном примере на первый план выходит отношение детей к матери (русинов к своей Родине), что характеризует представителей данного лингвокультурного сообщества, изображаемых автором анализируемых произведений как благодарных, верных, преданных,

любящих Отчизну людей. Показательно, что в данном стихотворении А. Павлович актуализирует образ Родины-Матери через призму не только внутрисемейной дихотомии «мать – ребенок» («Родина – я»), но и родственных отношений между братьями и сестрами – детьми одной матери («Мать – я – другие дети (братья и сестры)») («Родина – я – соплеменники»): «На Маковиць // Братя, сестрицы! // Вамь пою // Духъ народности // Со мною».

Можно констатировать, что таким образом русинский будитель экстраполирует личностное, субъективное восприятие Родины как Матери на весь русинский народ – на своих братьев и сестер не по родству, а по национальной принадлежности. Своим творчеством А. Павлович переводит факт патриотических чувств к Родине в объективную реальность, опять же в силу своего прецедентного статуса, вводит его в национальную картину мира русинов. Подобный художественный перенос можно наблюдать и в других лирических произведениях А. Павловича, например, в стихотворении «Пѣснь народная» – «Вотъ Карпатской земли дѣти // Патріарха окружають» [12: 32–33]; «Францу Деаку» – «Прими Вожатой маститой // Въ Карпатахъ прозябшій цвѣтъ // Кой Угорской Руси дѣтей // Благодарность приносить» [12: 69–71]; «Коломейка» – «Ликуй, ликуй веселися мила родна мати, // Мы пооремь, мы посьемь внуки будутъ жати» [12: 55] и др.

Многовековая история русинов, разнообразные ее собственно исторические, а также демографические, социологические, культурологические и лингвистические аспекты изучаются современными исследователями различных научных направлений и школ. Результаты этих изысканий публикуются, в частности, в международном историческом журнале «Русин». Из новейших работ по истории русинов обращают на себя внимание статьи Д.Е. Алимова [2: 179–197], С.В. Бирюкова [3: 193–209], Р.И. Майора [9: 154–176], Е.В. Никольского и Н.Л. Юган [10: 72–89], С.Г. Суляка и В.П. Зиновьева [16: 372–388].

В контексте нашего исследования отметим, что в ряде стихотворений А. Павлович при помощи образа Родины-Матери актуализирует факты драматической истории русинского народа, нашедшие свое отражение в перечисленных научных работах. Например, в стихотворении «Воспоминованіе» русинский будитель сравнивает ситуацию многовекового иноземного угнетения русинов с тяжелой болезнью Матери-Родины: «Тысяць годовъ: якъ ся стала // Для русиновъ ночь окрутна, // Легла мати и не встала, // Мертвожива лежить смутна: // Станный народъ напаль на насъ, // И заточиль нашу Маму, // Не внимающъ на страстный гласъ, // Бросиль насъ во темну яму» [12: 36–37]. Подобный художественный образ позволяет автору стихотворения воздействовать на читательское восприятие не только на

рациональном, но и на эмоциональном уровне, что в значительной степени усиливает влияние литературного произведения на аудиторию. Павлович всего в нескольких строфах смог настолько тонко отразить в стихотворении «Воспоминованіе» болезненную для каждого представителя русинского народа историко-культурную ситуацию, что ее осознание читателями, ее переживание через ряд персональных ассоциаций становятся предельно чувственными, максимально личностными. Подобным образом русинский будитель использует олицетворение Родины в образе Матери и в стихотворении «Пѣснь подкарпатского русина», когда поднимает проблемы функционирования родного языка на территории проживания русинов, их исторической памяти и национального самосознания: «Твое слово родно туть людямь холодно; // Не хотять ты знати, // Хулять, да ругають, // Твой родь оскорбляють, – // Чимь же согрѣшила ты имь Мати?!» [12: 43–44]. При помощи художественного слова, олицетворяя образ Родины в фигуре Матери, А. Павлович в конце XIX в. хотел донести до своего народа ту же мысль, что и в начале XXI в. сформулировал главный редактор журнала «Русин» С.Г. Суляк в своей статье «Русины: прошлое, настоящее, будущее»: «Имея общих предков, потомки русинов сегодня относят себя к украинцам, русским, русинам (как к отдельному восточнославянскому народу), румынам, молдаванам, словакам, венграм, полякам, американцам, канадцам, сербам... Но, независимо от того, кем мы, потомки русинов, считаем себя сегодня, мы не имеем права забывать о своем происхождении и должны чтить память предков» [14: 68].

Как отмечают исследователи, со второй половины XIX в. происходила массовая эмиграция русинов в Соединенные Штаты Америки и Канаду. Так, Н.А. Глушенко подчеркивает: «Карпаторусины начали иммигрировать в Северную Америку в начале 1870-х гг. из региона Карпатских гор, став одним из потоков славянских иммигрантов из Европы в Америку. В начале 1880-х гг. многие русины-мигранты, которые приезжали в США из Австро-Венгрии в поисках работы на угольных шахтах, обосновались в антрацитовом регионе штата Пенсильвания» [6: 193]. К.В. Корсаков замечает, что русины покидали родину и переселялись в Соединенные Штаты Америки «с начавшейся в 90-е гг. XIX в. и продолжавшейся до начала мировой войны 1914 г. первой волной русинских и украинских эмиграций, большинство представителей которых были выходцами из Карпатской Руси – Закарпатья, Северной Буковины, Лемковщины, Холмщины и Галиции» [7: 200]. Об этом же пишут также Ю.Г. Акимов и К.В. Минкова: «Первые эмигранты-русины появились в странах западного полушария еще в 1860-е гг. В последующие несколько десятилетий отток населения из

Закарпатья и Лемковщины за океан неуклонно усиливался. Тысячи измученных нищетой русинов покидали "Старый край" в поисках лучшей доли. Кто-то ехал в Канаду, кто-то – в экзотическую Бразилию, однако большая часть направлялась в Соединенные Штаты, где уже в 1890-е гг. образовалась достаточно крупная русинская диаспора» [1: 128]. Данная социальная проблема также раскрывается А. Павловичем в его гражданской поэзии через образ Родины-Матери. Русинский будитель в своих произведениях показывает обездоленную, осиротевшую Мать, которая лишилась своих детей, покинувших ее: «Бѣдство Маковицы» – «Маковица опущена, // Плаче, вздыхать розжалена – // Дѣточки ей охабляють, // Пречь за море утѣкають» [12: 100–101], «Думка сына Маковицы, тамъ за моремъ въ Америцѣ» – «Я русскій сынъ Маковицы // Раскошую въ Америцѣ, // Что чрезъ тыждень запраую, // Та въ неделю прогайную» [12: 102–106].

При этом в своих стихотворениях А. Павлович осуждает русинов-эмигрантов; автор показывает их как людей, которые совершили самый страшный грех, предав самого дорого человека – Мать, из-за чего на чужбине они не могут найти себе покоя, испытывают моральные терзания, страдают от бытовой и финансовой неустроенности, как герои стихотворения «Думка сына Маковицы, тамъ за моремъ въ Америцѣ»: «Ахъ тамъ бѣдны отецъ, мати // Ждутъ, не можуть ся дождати, // О нихъ я вцалѣ забывамъ, // Не пишу имх, не посыламъ», «Такъ про тоту Америку, // Терпятъ нужду превелику, // Ужъ никто имъ не споможе, // Змилуйся надъ ними Боже!» [12: 102–106].

Кроме олицетворения образа малой родины через фигуру Матери, в поэзии А. Павловича находим несколько примеров актуализации образа Славы (общеславянской Родины) и Руси (исконной Родины) как Матери. Е. Недельский, анализируя его творческое наследие, справедливо подчеркивал: «От подражания народной песне он восходил к темам национальным и общеславянским; от поучения для простого народа до призыва к русским и славянам; от шарышского говора – к литературным языкам» [11: 175]. Павлович рассматривал общеславянское единство как основу для защиты национальных интересов русинов, как гарантию их избавления от многолетнего чужеродного господства, о котором писал в стихотворении «Воспоминованіе»: «Благородны дѣти Славы // Избилъ, изгналъ въ темны горы // Изъ луговъ въ пусты дубравы, // И оставилъ безъ опоры» [12: 36–37]. В стихотворении «Пѣснь русскославянская» русинский будитель констатирует, что «Десятую часть земнаго мира // Дѣти матушки Славы занимають, Плачевно гремитъ славянска лира: // Враги свободы славянь оскорбляють. // О люде братья! честны народы // Соединитесь въ храмѣ свободы!» [12: 37]. Именно в сплочении с другими славян-

скими народами видел поэт будущее своих соотечественников, о чем писал в стихотворении «Радость о свободѣ»: «Изъ сердцець цвѣтовъ // Уплетемъ вѣночки // Народной мамѣ, // Славянской державѣ // Блаженны дѣточки» [12: 34–35].

Явные русофильские настроения, призывы к единению с русским народом прослеживаются в других лирических произведениях А. Павловича, в которых он использует олицетворение Руси в образе Матери. Например, в стихотворении «Дума карпатоборца» Русь (Святую Русь) он напрямую называет Матерью: «О родительно мила // Святая Русь мати»; «О Русь мати помолися // Съ твоими сынами» [12: 57–58]. Подобное олицетворение можно наблюдать и в стихотворении «Русска мама», в котором Павлович апеллирует к истории русинского народа: «По лѣсахъ, по горахъ – по темныхъ по дубравахъ // Дѣти розпуджено, помощи не дано // Ой плакала русска мати» [12: 46–47]. И снова подтверждение историко-культурных фактов, актуализированных Павловичем в своих поэтических произведениях, находим в современных исследованиях по истории русинского народа. Так, С.Г. Суляк в статье «Русины: уроки трагической истории» подчеркивает, что «история русинов (руснаков) показательна тем, что, несмотря на многовековое проживание в составе других государств, полонизацию, мадьяризацию, румынизацию, коренное русское население Карпатской Руси (Галичины, Буковины, Подкарпатской (Угорской) Руси) долгое время сохраняло не только свою русскость, но и осознание своей принадлежности к единому русскому народу и единой русской культуре» [15: 7].

Олицетворение Родины в образе Матери не является неординарной художественной находкой А. Павловича. Подобный прием можно назвать классическим, он неоднократно воплощался в различных произведениях изобразительного и монументального искусства, а также в литературе разных эпох и народов. Однако тут, безусловно, следует учитывать тот неоспоримый факт, что «любой художественный образ не представляет собой механического копирования, в него вносятся активное авторское пристрастно-избирательное отношение к изображенному» [13: 27]. В выявлении и анализе субъективных идейно-художественных рефлексий, которые опосредуют формирование в творчестве конкретного автора определенных художественных образов и воздействуют на потенциальную аудиторию не столько эмоционально, как идеологически, и заключается целесообразность подобных исследований. Применительно к изучению творческого наследия А. Павловича необходимо учитывать и прецедентность самой личности русинского будителя, значимость влияния на представительей русинского лингвокультурного сообщества его произведений.

Подводя итог нашим наблюдениям, отметим, что наличие в гражданской поэзии А. Павловича олицетворения Родины в образе Матери можно расценивать, во-первых, в качестве одного из обязательных признаков формирования и становления самодостаточной национальной (в данном случае – русинской) литературы; во-вторых, как маркер вхождения самобытной русинской поэзии в общеславянский и общемировой литературный дискурс; в-третьих, как свидетельство развития и бытования русскоязычной лирики за пределами России; и, наконец, в-четвертых, как действенный способ экспансивного отражения и фиксации в художественном творчестве русинского будителя богатейшего историко-культурного наследия русинского народа, а также прием его трансляции как современникам автора, так и будущим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимов Ю.Г., Минкова К.В.* Особенности формирования русинской диаспоры в США в конце XIX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 128–144. DOI: 10.17223/18572685/43/9

2. *Алимов Д.Е.* Между миграционизмом и автохтонизмом: вопрос происхождения русинов Закарпатья в дискурсивном пространстве национального нарратива // Русин. 2017. № 4 (50). С. 179–197. DOI: 10.17223/18572685/50/12

3. *Бирюков С.В.* Австро-Венгерская империя, генезис национальных движений и русинский вопрос // Русин. 2018. № 3 (53). С. 193–209. DOI: 10.17223/18572685/53/11

4. *Блинова О.И.* Размышления о лингвокультурологических пометах в словаре // Вопросы лексикографии. 2014. № 2 (6). С. 122–129.

5. *Бойко О.А.* Проявления архетипа Великой Матери в модернистском изобразительном искусстве XX века // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 19–35. DOI: 10.17223/22220836/34/2

6. *Глуценко Н.А.* Устав Русского православного католического общества взаимопомощи как источник для изучения русинской иммиграции в Соединенных Штатах Америки // Русин. 2016. № 4 (46). С. 191–204. DOI: 10.17223/18572685/46/12

7. *Корсаков К.В.* Энди Уорхол – выдающийся представитель русинской эмиграции // Русин. 2017. № 4 (50). С. 198–206. DOI: 10.17223/18572685/50/13

8. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство, 1996. 846 с.

9. *Майор Р.І.* Русофільство на Закарпатті в другій половині XIX – на початку XX ст.: генеза, розвиток та ідеологія // Русин. 2017. № 1 (47). С. 154–176. DOI: 10.17223/18572685/47/13

10. *Никольский Е.В., Юган Н.Л.* Русофильство как проявление русинского национального движения в среде униатского духовенства Галичины первой половины XIX в. // Русин. 2018. № 4 (54). С. 72–89. DOI: 10.17223/18572685/54/5

11. Недзільський Е. Очеркь карпаторусской литературы. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1932. 290 с.
12. Павлович А.И. Венець стихотворений. Ужгородъ: Книгопечатня «УНІО», 1920. 258 с.
13. Семенова Е.В., Ростова М.Л., Петрова Е.В. Идеино-художественный анализ произведения (на примере литературы Англии и США). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 90 с.
14. Суляк С.Г. Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. 2009. № 3 (17). С. 61–70.
15. Суляк С.Г. Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3-4 (13-14). С. 7–34.
16. Суляк С.Г., Зиновьев В.П. Г.А. Де-Воллан и Угорская Русь // Русин. 2018. № 4 (54). С. 372–388. DOI: 10.17223/18572685/54/22
17. Сандомирская И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien: Wiener slawistischer almanach, 2001. 282 с.

REFERENCES

1. Akimov, Yu.G. & Minkova, K.V. (2016) Specificity of formation of Rusin Diaspora in the United States in the late 19th century. *Rusin*. 1(43). pp. 128–144 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/9
2. Alimov, D.E. (2017) Between migrationism and autochtonism: On the origin of Transcarpathian Rusins in the discursive space of the national narrative. *Rusin*. 4(50). pp. 179–197 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/12
3. Biryukov, S.V. (2018) The Austro-Hungarian Empire, the genesis of national movements and the Rusinian question. *Rusin*. 3(53). pp. 193–209 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/11
4. Blinova, O.I. (2014) Reflections on linguocultural dictionary marks. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2(6). pp. 122–129 (in Russian).
5. Boiko, O.A. (2019) The twentieth-century visual arts: The Great Mother archetype. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 34. pp. 19–35 (in Russian). DOI: 10.17223/22220836/34/2
6. Glushchenko, N.A. (2016) The By-Laws of the Russian Orthodox Catholic Society of Mutual Aid as a Source for Studying Rusin Immigration in the United States of America. *Rusin*. 4(46). pp. 191–204 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/46/12
7. Korsakov, K.V. (2017) Andy Warhol – an Outstanding Representative of the Rusin Emigration. *Rusin*. 4(50). pp. 198–206 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/13
8. Lotman, Yu.M. (1996) О poetakh i poezii [About Poets and Poetry]. St. Petersburg: Iskusstvo.
9. Mayor, R.I. (2017) Russophilia in Transcarpathia in the second half of the 19th – early 20th centuries: Origins, development and ideology. *Rusin*. 1(47). pp. 154–176 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/47/13

10. Nikolsky, E.V. & Yugan, N.L. (2018) Russophilia as the manifestation of the Carpatho-Russian National Movement among the Uniat clergy of Galicia in the first half of the 19th century. *Rusin*. 4(54). pp. 72–89 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/54/5

11. Nedzelsky, E. (1932) *Ocherk karpatorusskoy literatury* [Essay on Carpatho-Russian Literature]. Uzhgorod: Tipografiya “Shkolnoy pomoshchi”.

12. Pavlovich, A.I. (1920) *Venets stikhotvoreniy* [A Sequence of Poems]. Uzhhorod: UNIO.

13. Semenova, E.V., Rostova, M.L. & Petrova, E.V. (2011) *Ideyno-khudozhestvennyy analiz proizvedeniya (na primere literatury Anglii i SShA)* [Ideological and artistic analysis of a writing (a case study of English and US literature)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.

14. Sulyak, S.G. (2009) Rusins: past, present, future. *Rusin*. 3(17). pp. 61–70 (in Russian).

15. Sulyak, S.G. (2008) Rusins: lessons of a tragic history. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 7–34 (in Russian).

16. Sulyak, S.G. & Zinoviev, V.P. (2018) G.A. De Wollant and Ugric Russia. *Rusin*. 4(54). pp. 372–388 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/22

17. Sandomirskaya, I. (2001) *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik* [The Book About Motherland. Analyzing discursive practices]. Vienna: Wiener slawistischer almanach.

Зеленко Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

Sergey V. Zelenko – Belarusian State University (Belarus).

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com